

Валерий ИВАНЧЕНКО

ГРАНИ ВОЕННОГО ОПЫТА*О книгах Д. Туленкова и Д. Артиса¹*

Два автора пошли на войну добровольно, оба были не чужды литературе и вели фронтовые записи, ставшие книгами. Это общее, но есть и разница.

Даниил Туленков когда-то опубликовал роман, написанный в молодости, потом занимался предпринимательством, был осужден на семь лет по обвинению в мошенничестве, хотя виновным себя не считает. Ушел с зоны в «Шторм Z», получил помилование к своему сорокапятилетию.

Дмитрий Артис на пять с половиной лет старше, он театральный деятель, драматург, поэт, автор многих книг, победитель конкурсов, человек богемы. О причинах двух его походов на СВО можно только догадываться. Вероятно, здесь и личные проблемы, и экзистенциальный кризис. «Где ты работал?» — спрашивают его в одной из записей. «Нигде», — отвечает он.

Текст Туленкова больше похож на литературу как не случайно получившееся, а специально сделанное искусство. В нем нет ничего лишнего, абзацы выточены. Повествование имеет сложную, запутанную, но продуманную структуру. Чувствуется выработанная жизнью привычка — впустую не говорить, отвечать за каждое слово.

У Артиса — датированная хроника текущих событий либо сиюминутная фиксация того, что пришло в голову. Это записки интроверта, там чувствуется сосредоточенность на себе, много телесного, немало чистой лирики — разговоров с божьими коровками, например.

Война — дело коллективное, рассказчики постоянно среди людей, волей или неволей ставших товарищами. Портреты окружающих персонажей занимают значительное место в обеих книгах. Авторы ощущают свою особость, даже, можно сказать, элитарность, заслуженную биографией, опытом, интеллектом. Такая особость не дает преимуществ — напротив, это ненужное бремя, ведь обстоятельства требуют других качеств и навыков, которых не так много у элитариев, но хватает у простых работяг. А вся жизнь возле войны состоит главным образом из работы.

¹ Туленков Даниил. Шторм Z. У вас нет других нас / Даниил Туленков. — Москва: «Яуза-каталог», 2024. — 224 с. Артис Дмитрий. Дневник добровольца / Дмитрий Артис. — Москва: «Яуза-каталог», 2024. — 288 с.

Зато когда требуется рассудительность, способность к планированию, рассказчики способны себя проявить и заслужить уважение. Впрочем, их выделяет и сознательность поведения, готовность к терпению ради цели — у одного впереди свобода, другой подвергает себя намеренному испытанию.

Люди вокруг авторов проходят самые разные, хватает среди них неприкаянных. Немало и основательных мужиков. Коллектив пестрый — и по положению в мирной жизни, и по национальности; много мусульман из всяких краев. И у Туленкова, и у Артиса говорится, к примеру, о солдатах-дагестанцах — от карикатурных щеголей в ярких кроссовках до хмурых крестьян. Но конфликтов почти не бывает, между людьми приняты отношения серьезных взрослых мужчин. Важно, что контрактные деньги для добровольцев не главное — заработок не так велик, слишком много приходится тратиться: на еду, на снаряжение, на мелкие радости, на взаимовыручку. Сидеть дома, в принципе, финансово выгоднее. Зато на фронте можно участвовать в большом всенародном деле.

Встречаются фигуры сказочные, идеальные. Так, Артис рассказывает о студенте-первокурснике, записавшемся на контракт между сессиями. Атлет, красавец; на сборный пункт его проводила мама. «Подтянут, вежлив, прост в общении. Невероятно любопытен». Пришел послужить Отечеству добровольцем, потому что срочников на войну не пускают.

Мы почти не видим в рассказах авторов профессиональных военных, лишь фигура командира иногда возникает. Мобилизованные только упоминаются. Зато у Артиса есть увиденный со стороны «Шторм Z».

«С зетовцами удобно работать. Сильно развит инстинкт самосохранения. Подскажут, разьяснят, помогут. Разложат по полочкам, если затупишь. Без крика и ругани. Без наезда. Грамотно... Зетовцы — идеальные воины. Сплоченные одной причиной выхода на тропу войны — это свобода. Притом что любви к Отечеству в них не меньше моего. Они умеют самоорганизовываться и распределяться по тем способностям и возможностям, душевным и физическим, которыми обладает каждый из них. Слабого никогда не пошлют вперед».

С историями Туленкова такой комплимент разительно контрастирует, однако и правда тут есть: к концу контракта у «зетовцев» остаются в строю только самые лучшие.

Оба автора пишут по-разному и о разном, но, не сговариваясь, как бы дополняют друг друга, создают объемную картину, снятую с разных сторон.

Война многослойна, есть несколько ее кругов. Внешний — это учебка. Дмитрий Артис пошел на войну второй раз, повторным контрактом, и снова попал на учебу. Отмечает, что за шесть месяцев форма войны и, соответственно, подготовка здорово изменились. Все стало жестче — и по физическим нагрузкам, и по знаниям и навыкам, передаваемым инструкторами. Он говорит, что добровольческие подразделения «уплотнились», новичков стало меньше, процентов десять всего, большинство идет не впервые.

У «Штурма Z» было по-другому. Туленков рассказывает, что времени на учебку выделили всего две недели, причем на занятия никого не загоняли силком. Кто хотел выжить, тот усердно учился. Из отлынивавших мало кто уцелел. Учили штурмовать траншеи и научили кое-как, на троечку с минусом. Наука пригодилась с лихвой.

Следующий круг — расположение. Новоприбывшие базируются в поселке, часто в оставленных жителями домах. Живут здесь боевыми группами по несколько человек, каждый день заполнен трудами по нарядам, назначенным начальством. По крайней мере у добровольцев. «Зетовцы», бывало, разгульно проводили время и с новыми сроками отправлялись обратно на зону. Добровольцев за выпивку жестко наказывают командиры, не доводя дело до военной полиции.

Из расположения группы отправляют на боевые задания, которые длятся от нескольких дней до недель. «Зетовцам» отказаться нельзя, хотя кто-то, случается, отстает по дороге. Добровольцы могут «запятисотиться» без особых последствий, остаться в комендантском взводе, при бане или где-то еще. Только потеряют в положенных выплатах и упадут в глазах товарищей. Но большинство пришло, чтобы воевать. Боевые выходы — это война и есть. На какое-то расстояние к фронту подвозят на машинах или на бронетехнике. Дальше простреливаемая территория, по ней только пешком и обычно не днем или ночью, а на рассвете и в сумерках, «по серости», как это называют. Перебраться по «красной зоне» до позиций, а потом выбраться через нее обратно — самое опасное, при заходе и возвращении чаще всего гибнут и получают ранения. Есть специальные люди, проводники, «ноги», которые отлично знают местность, умеют быстро и скрытно передвигаться. Они носят на передовую припасы, выводят раненых.

Авторы не пишут о целях заданий, не дают привязок, не называют настоящих позывных: все их записи лежат в телефоне, телефон при себе, и, если враги его снимут с тела и прочитают, это принесет живым много вреда.

Образа врага почти нет, никто не видит его в лицо. Враг — некое опасное зло, которое находится в той стороне — иногда в километре, иногда в тридцати метрах. От него прилетают разрывы и пули, в его сторону следует стрелять самому. У Туленкова есть лишь одна боевая сцена, в которой он видит уничтожение противника своими глазами. Артис неделями живет на расстоянии крика от укрепления «немцев», как он их называет. С «немцем» напротив у него складывается общение, диалог. По настроению (а настроение друг друга они ощущают) противники обмениваются автоматными очередями и выстрелами из РПГ.

Если у Туленкова и его «зетовцев» почти вся война состоит из физически тяжелой беготни и умения забиться в щель под обстрелом, то добровольцы Артиса бегают только при заходе на позиции и выходе с них, остальное время живут среди полчищ мышей в бетонной коробке и терпят лишения: спят на камнях, питаются всухомятку, страдают от холода. Сменяются на посту, иногда ползают с грузом по трубам и роют земляные ходы.

У Туленкова важная постоянная тема — преодоление страха, умение взять себя в руки и выкрутиться. Фаталист Артис ничего не боится, он думает, что научился договариваться с судьбой, его главные муки — физические, основная проблема — борьба со своим неприспособленным для войны телом. Только в самые последние дни контракта он ошибается, нарушает договор и получает в бедро осколки.

Парадоксален один из выводов, сделанных авторами на основе военного опыта. Они вдруг понимают, что на войне им понравилось, что это едва ли не лучшее, что с ними случилось.

«Война наполнена всей гаммой цветов, существующих на земле, даже теми их оттенками, о существовании которых ты не подозревал в той, прежней жизни. Война — это фонтан эмоций, чувств и ощущений. Это обострение всех форм человеческого осязания. Это миллионы деталей и штрихов, от количества которых взрывается мозг человека, едва переступившего периметр лагеря, места, где все измеряется штучно, не превосходя количества пальцев на руках. Это совершенно иная скорость времени и совершенно иная ценность каждого его отрезка. Контрастный душ, который не всякому дано вынести без ущерба для душевного здоровья», — делится Даниил Туленков.

«Война способна открыть в человеке его лучшие качества, которые в условиях мирного существования пылятся за ненадобностью где-то глубоко внутри. Война — это самое прекрасное, что произошло со мной за пятьдесят лет жизни», — подводит итог Дмитрий Артис.

